

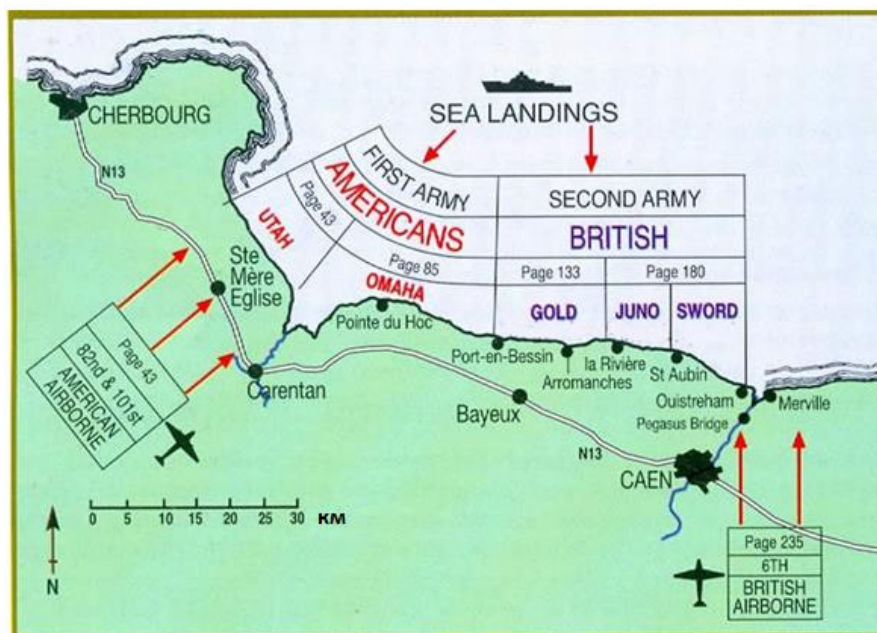
ПЛЯЖ ОМАХА – 6 ИЮНЯ 1944 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ

6 июня 1944, в первый день высадки союзников в Нормандии – День D/D-Day, наиболее драматические события развернулись на пляже Омаха/Отаха. Атака американцев на хорошо подготовленные оборонительные позиции противника, почти не пострадавшие от предшествовавшей десантной операции бомбардировки с воздуха и с моря, привела к тяжелым потерям и навсегда осталась в военной истории. Этот эпизод вошел в художественные фильмы и книги о ВМВ...

Сцена из кинофильма [Спассти Рядового Райана/Saving Private Running](#) (1998). Пляж Омаха, утро 6 июня 1944 года

В марте 1943 года командование союзных войск назначило британского генерал-лейтенанта [Фредерика Моргана](#) (Frederick Edgeworth Morgan) начальником генерального штаба. Он и его подчиненные проделали огромную работу по выбору места для высадки союзных войск в Западной Европе и проработке всех деталей этой масштабной операции. Оценивая пригодность различных участков побережья для десантирования войск с моря, штабисты рассмотрели множество вариантов от Дании до района, прилегающего к границе Испании, и, в итоге, сфокусировались на севере Франции. Южный берег пролива Па-де-Кале выглядел наиболее привлекательным благодаря небольшой ширине акватории, отделяющей Англию от континента, варьирующей от 18 до 25 миль. Однако союзники понимали, что противник ожидает вторжение именно здесь, и именно здесь немцы построят пояс укрепленных позиций, готовясь отразить атаку. Вследствие этого союзники остановились на побережье Нормандии. Хотя подход к побережью с моря подразумевал преодоление пролива шириной около 100 миль, вполне вероятно, в условиях сильного волнения, полоса пляжей, протягивающаяся на запад от Кана/Саен, представляла из себя идеальное место для первоначального десанта. Более того, штабисты союзников полагали, что [глубоководный порт Шербур](#), расположенный западнее намеченных участков высадки, может быть захвачен в короткие сроки после вторжения и, тем самым, стать удобными воротами для доставки грузов сражающимся войскам. Не менее важным было то, что, по мнению союзников, побережье Нормандии, было слабо защищено и оборонялось второразрядными частями...

Запланированные участки высадки в Нормандии

Пока союзное командование занималось планированием высадки в Нормандии, немецкие инженерные части и французские рабочие неустанно трудились над возведением береговых укреплений, полоса которых протянулась от Ютландии до франко-испанской границы. Пока шло строительство, возникли разногласия между фельдмаршалом [Рундштедом](#) (Gerd von Rundstedt), командующим вооруженными силами немцев в Западной Европе, и фельдмаршалом [Роммелем](#) (Erwin Rommel), командующим Армейской Группой В и генеральным инспектором оборонительных сооружений на севере Франции. Рундштедт был сторонником применения ограниченных мер по отражению вероятной высадки союзников непосредственно на побережье. Он считал, что мощная корабельная артиллерия противника даст плотное прикрытие десантирующимся войскам, а когда они продвинулись вглубь суши и лишатся этого *зонтика*, танковые формирования смогут нанести им сокрушительный удар и разгромить их. Роммель, со своей стороны, считал, что принципиально важным будет задержать высаживающиеся силы союзников на пляжах. Он полагал, что «решающее превосходство союзников в воздухе сделает невозможным маневрирование немецких бронетанковых сил, лежащее в основе стратегии Рундштедта. Если дать союзникам возможность занять плацдармы на пляжах, они победят в наземном сражении Франции благодаря своему сокрушительному превосходству в людях и материальных ресурсах. Максимальная отметка прилива должна стать главной линией фронта.» - говорил Роммель.

Фотография нормандского берега, сделанная из немецкого бункера. Хорошо видны противотанковые ежи - Panzerigel - и надолбы, как бревенчатые, так и стальные. Немцы часто называли ежи Чешскими (Tschechenigel), так как впервые увидели их в полосе приграничных укреплений вдоль западных границ Чехословакии после занятия [Судетской области](#). Надолбы сами немцы называли Спаржа Роммеля (Rommelspargel). Эти заграждения должны были затруднить выход на пляж десантных кораблей и продвижение танков и машин через пляжи.

Это противостояние еще более усугубилось из-за вмешательства Гитлера. Он настоял на том, что дислоцированные во Франции танковые и механизированные резервы должны находиться под его прямым контролем. Это означало, что Роммелю понадобится разрешение *Фюрера* на использование четырех танковых дивизий, являвшихся стратегическим резервом Вермахта. В итоге, *панцеры* незадолго до *Дня Д* оказались в нескольких сотнях миль от побережья.

Союзники непрерывно наращивали концентрацию своих сил в Англии в месяцы, предшествовавшие вторжению. К вторжению готовилась и новая десантная техника. Одной из недавних инноваций стало появление у союзников в больших количествах десантных катеров *LCVP (Landing Craft, Vehicle Personnel)*, способных перевозить людей и транспортные средства. Производимые компанией *Higgins Industries* катера стали известны под названием *Хиггинс/Higgins*. Это были фанерные суда с небольшой осадкой, в каждое из которых могло поместиться до 30 человек. Им предстояло сыграть важнейшую роль в успехе высадки в Нормандии.

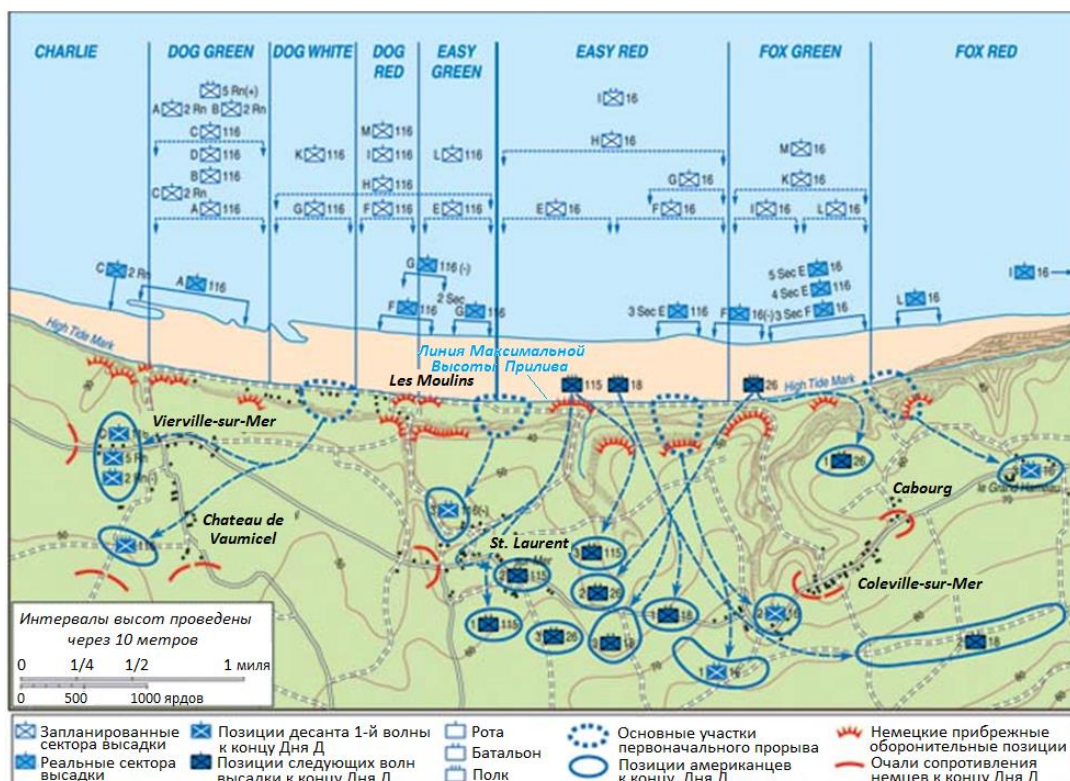
Американцы готовились использовать в ходе высадки также [танки с двойным приводом \(duplex drive - DD\)](#). Это были амфибийные машины, снабженные складным водонепроницаемым экраном, позволяющим им оставаться на плаву, и гребным винтом с системой отбора мощности от двигателя. Союзники подвергли *DD*-танки интенсивному тестированию, машины проявили себя отлично, но, как покажет жизнь, испытания проводились в слишком спокойных водах... Союзники намеревались в полной мере использовать мощь своей корабельной артиллерии и авиации непосредственно перед вторжением, чтобы *размягнуть* оборону противника, и возлагали на успешное подавление огневых точек врага большие надежды. Они должны были высадиться одновременно на пяти пляжах:

Пляж *Омаха* протяженностью в 6 миль был разделен на восемь секторов: *Charlie, Dog Green, Dog White, Dog Red, Easy Green, Easy Red, Fox Green* и *Fox Red*. В первой волне на каждый сектор была отведена рота солдат. Союзное командование ожидало, что *Омаха* окажется наиболее трудным для высадки. На мелководье и пляжах людей и технику ожидал лабиринт всевозможных препятствий в виде ежей, надолбов и мин. Над волноломами высотой около 5 футов, расположенными у подножия волноприбойного уступа высотой до 100 футов, протягивались проволочные заграждения. Сам уступ был усеян минами. Над ним и на нем находились 85 пулеметных гнезд, готовые встретить пехотинцев убийственным огнем. Штабисты союзников запланировали захват пяти выездов с пляжа для бронетехники и автотранспорта.

Тем не менее, в войсках преобладал осторожный оптимизм. Ожидалось, что сопротивление противника будет относительно слабым: разведка установила, что обороняющая пляж 716-я Дивизия немцев укомплектована второразрядными и малоопытными солдатами, большая часть которых была представлена рекрутированными в Вермахт европейцами. В самом деле, в составе усиленного батальона, занимавшего передовые оборонительные позиции, около 50% солдат было представлено бывшими советскими военнопленными, поляками, чехами, [фольксдойче](#) и т.п. Тех, кому предстояло высадиться на пляж, убеждали в том, что позиции противника будут разнесены в пух и прах перед вторжением. «Линкоры снесут с карты местности всё – ДОТы, артиллерию, минометы и колючую проволоку, - говорили солдатам и офицерам, как вспоминал об этом

лейтенант из 26-го Пехотного Полка Уильям Диллон (William Dillon). – Все будет разнесено в клочья – все дело – пустяк.» Впрочем, американским морским и армейским пехотинцам это говорили не раз и на Тихом океане перед высадкой на очередной остров...

Несмотря на преобладание оптимизма в настроениях людей, крайне неустойчивая погода в проливе Ла-Манш осложнила жизнь верховному командованию союзников. Было необходимо осуществить высадку в наиболее благоприятное с точки зрения высоты приливов время, поэтому решено было выбрать один из дней первой недели июня, или вообще отложить вторжение минимум на две недели. Первоначально атака была запланирована на 5 июня, но сильные ветра и волнение на море вынудили перенести ее на день. Эйзенхауэр и его старшие офицеры встретились для того, чтобы обсудить существующие варианты поздно вечером 4 июня. В условиях ухудшения погоды многие офицеры рассматривали немедленную высадку как опасную игру, но, когда метеорологи сообщили об ожидаемом улучшении погоды 6 июня, командующий союзными силами в Европе [Эйзенхауэр](#) (Dwight Eisenhower) принял решение о начале операции.

Карта боевых действий в районе Омаха 6 июня 1944 года. Части 29-й и 1-й пехотных дивизий высаживались на вытянутый на шесть миль пляж, разделенный на восемь секторов

Западное Военно-Морское Тактическое Соединение/The Western Naval Task Force, состоявшее из 931 корабля, должно было поддержать пехоту, высаживающуюся на пляжи Омаха и [Oma/Utah](#). Крупные корабли вышли в море 3 июня, в последующие дни к ним присоединилась остальные силы.

Воздушно-десантные дивизии союзников – американские 82-я и 101-я и британская 6-я осуществили сброс парашютистов в ночь с 5 на 6 июня в тылу противника на флангах общего сектора вторжения. Парашютисты получили задание захватывать мосты, дорожные перекрестки и узлы за пределами плацдармов, намеченных к занятию войсками, высаживающимися с моря. Они понесут тяжелые потери в боях резервными немецкими частями, не давая им возможности выдвинуться на линию соприкосновения с силами вторжения в районе пляжа Юта.

На рассвете 6 июня армада бомбардировщиков *B-17* появилась в небе над побережьем Нормандии. Они проскочат вглубь страны над пляжем *Омаха*, не нанеся ущерба противнику.

Когда флот вторжения приблизился к побережью на десять миль, большие транспортные корабли начали выгружать десантные катера, которые начали продвигаться к пляжам высадки. Офицеры высаживающихся частей надеялись, что транспорты подойдут ближе к берегу перед отправкой ему десантных катеров, но командование предпочло спустить десантные средства подальше от берега, чтобы военные корабли не попали под огонь береговых батарей. В результате 10 катеров затонули в условиях сильного волнения. Корабельная артиллерия союзников открыла огонь также на рассвете. По волноприбойному уступу в тыловой части пляжа *Омаха*, на котором располагались немецкие огневые точки, повели огонь линкоры *Texas* и *Arkansas*, поддержанные эскортом из крейсеров и эсминцев. Когда десантные катера подошли к пляжам, корабли прекратили стрельбу. В этот момент боевые катера и корабли, оснащенные реактивными установками, в течение нескольких минут выпустили по немецким позициям около 14 000 ракет. Когда бомбардировка с воздуха и с моря закончилась, немецкие солдаты и офицеры выбрались из глубоких укрытий и заняли свои позиции у орудий и пулеметов. К этому времени разведка союзников установила, правда, с опозданием, что пляж *Омаха* обороняют не только второразрядные части, но и более стойкие солдаты сформированной в ноябре 1943 года 352-й Пехотной Дивизии. Ее ядром были ветераны Восточного фронта.

Солдаты 1-й Пехотной Дивизии высаживаются на пляж Омаха под огнем противника. Фото сделано ассистентом главного фотографа Береговой Охраны США Робертом Сарджентом (Robert F. Sargent, 1923-2012)

Когда дым от разрывов авиабомб и снарядов рассеялся, стал очевидным полный провал авиационной и артиллерийской подготовки. Как уже говорилось, *B-17*, предназначенные для высотных бомбардировок, в основном, проскочили над целями. Корабельная артиллерия просто не сумела нанести заметного ущерба хорошо укрепленным позициям защитников побережья (как, впрочем, и на [пляже Джунго/Juno](#)). Большая часть выпущенных по берегу ракет упала с недолетом на мелководье напротив пляжа *Омаха*. Этого результата американцы не ожидали, и это имело тяжелые последствия для них. Это не стало последней неприятностью для десантников. Когда *DD*-танки тронулись в путь к пляжам, произошло еще одно фиаско: *Шерманы* стали один за другим тонуть в условиях сильной ряби.

Высадка глазами американцев

Вспоминает солдат 299-го Саперного Батальона Чак Хёрлбат (Chuck Hurlbut, на фото слева):

При сходе на воду эти брезентовые борта должны были удерживать их [DD-танки] на плаву и дать возможность выйти на берег. И вот эта штука начинает спускать танки на воду. Один сошел – бульк, и сразу на дно. Можно было ожидать, что они поняли: где-то что-то пошло не так. Второй пошел – бульк. Три или четыре ушли на дно таким образом. Мы в это время находились рядом с ними. Неожиданно в воде показались парни [танкисты], они боролись за жизнь и за воздух... Можно было ожидать, что мы остановимся, чтобы подобрать их. Но нет. У нас была своя задача. Парни кричали, вопили – это было ужасно. Нам пришлось пройти совсем рядом с ними и оставить их барахтаться в воде. Надеюсь, их спасли. Точно не знаю, но думал я так: «Эй, полагаю, это война. На сочувствие нет времени. У нас своя задача, и ничто не может ей помешать.»

Они просто исчезали. Тут все смешалось. Некоторые из рулевых на десантных судах испугались, или что-то еще произошло. Были случаи, когда офицеру приходилось приставлять пистолет к голове такого малого, чтобы заставить его вывести судно на такую глубину, чтобы парни смогли выжить. Были случаи, когда парней высаживали со всем снаряжением там, где воды было с головой, много случаев, когда рулевые делали все не так, как надо. Бес попутал, или еще что-то произошло, но спускать эти танки на глубокую воду было безумием: они не были для этого приспособлены. В британском секторе высадки все сработало, танки использовали по уму, но на пляже Омаха все сделали неправильно...

В итоге, до берега добралась лишь горстка *Шерманов*. Пехота осталась, практически, сама по себе. Пехотинцам досталось уже на пути к пляжу. Из-за сильной ряби они вымокли до нитки, многих скрутила морская болезнь. *Хиггинсы* часто протекали, и солдатам приходилось вычерпывать воду касками. Катера попадали под огонь уже на расстоянии от берега – один из них затонул в 1 000 ярдов от пляжа, еще один просто исчез, превратившись в огненный шар, по-видимому, после прямого попадания вражеского снаряда.

6 июня 1944 вместе с другими частями 29-й Пехотной Дивизии к пляжу *Омаха* приближалась Рота А 116-го Пехотного Полка. В составе первой волны десанта рота должна была высадиться в секторе *Dog Green*. Когда десантный катер, на котором находился рядовой Джордж Роуч (George Roach), подходил к пляжу, находившиеся в нем солдаты уже могли слышать стук пуль по поднятой рампе. Роуч вспоминал, что он и его товарищи хорошо понимали: выполнение поставленной перед ними – первой волной десанта - боевой задачи повлечет за собой тяжелые потери. «Мы сознавали, что наши шансы на то, чтобы выжить, были минимальными,» - рассказывал американец. В 06.30 пехотно-десантный корабль *LCI (Landing Craft, Infantry, в нем помещалось до 200 человек)* с солдатами Роты А находился совсем близко к пляжу. Находившаяся на западном фланге пляжа Рота А оказалась на запланированном для нее участке высадки, соседние роты, катера которых снесло сильными течениями, вышли к берегу с сильным отклонением от намеченных участков. По этой причине Рота А осталась без должной поддержки с флангов, в результате чего ее ждал концентрированный огонь с нескольких огневых точек.

Когда до берега оставалось около 30 ярдов, один из катеров сел на отмель, и, когда опустились рампа, солдаты оказались под убийственным огнем немецких пулеметов. Многие из тех, кто успел спуститься по рампе, были скошены свинцом. Некоторые в отчаянии пытались выбраться через борт и, оказываясь в воде с рюкзаками за плечами и

оружием в руках, были вынуждены бороться за жизнь, стараясь удержать голову над водой. Люди сбрасывали с себя снаряжение, пытались выплыть, но удавалось это не всем: многие просто утонули. Устремляясь вперед через пляж под градом пулеметных очередей, те, кому удалось выбраться на берег, пытались укрыться за противотанковыми ежами, установленными немцами. Позиции противника были хорошо замаскированы, и пехотинцы из Роты А, лишенные возможности вести ответный огонь, падали на песок один за другим. «Нас бросили сюда, чтобы мы сдохли, словно крысы!» - прокричал рядовой Хенри Уитт (Henry Witt)...

Снимок, сделанный знаменитым фронтовым фотографом [Робертом Капа](#) (Robert Capa). Пехотинцы пытаются укрыться за танками и противотанковыми ежами – этот момент отражен в фильме *Спаси Рядового Райана*. В кадре видны DD-танки, которым удалось добраться до пляжа...

Рота А понесла огромные потери, оставшиеся в живых люди были прижаты огнем к земле. Слева от нее на участке *Les Moulins* скучились роты G и F, превратившись в превосходную цель для немецких пулеметчиков, оказались под плотным огнем, когда брели к берегу. Сержант Хенри Беар (Henry Bare) вспоминал эту бойню, как что-то тошнотворное: «Моему радисту снесло голову, когда он был в трех ярдах от меня... Пляж был покрыт телами, люди лежали без ног, без рук. Боже мой, это было ужасно.»

Фотографии, сделанные Робертом Капа под огнем противника. Слева: пехотинцы пытаются укрыться за противокорабельными и противотанковыми заграждениями, установленными немцами; справа: раненый солдат, возможно, рядовой 1-го класса Хастон Райли (Huston Riley), пытается выползти на пляж

Остатки двух рот пересекли пляж и укрылись под волноломом, который давал некоторое укрытие от огня пулеметов, но не от огня артиллерии, минометов и снайперов. Впрочем, многие немецкие ДОТы были способны вести огонь параллельно пляжу.

Слева: американцы рядом с волноломом в секторе Fox Green; справа - ДОТ, предназначенный для ведения огня параллельно пляжу

Выше по склону от волнолома находились спиральные проволочные заграждения, и дальнейшее продвижение было невозможным. В хаосе и панике первых минут после высадки, люди растеряли свои [бангалорские торпеды](#) и лишились средств для преодоления этого препятствия.

Поскольку скорейшее пересечение пляжа было главной тактической целью, люди получили инструкции не останавливаться и оставлять раненых товарищей на попечение санитаров. Следование этому приказу стало тяжелой психологической травмой для тех, кто выжил в этой мясорубке. Тяжелораненые люди «лежали и кричали, пока к ним не приходила смерть,» - вспоминал сержант Джон Слотер (John Slaughter, 1925-2012, на фото справа). Санитары, не взирая на вражеский огонь, делали все от них зависящее, но немцы не обращали внимание на красные кресты, нарисованные на их касках. Они стреляли по всему, что двигалось...

Неразбериха при высадке привела к тому, что боевые части теряли свою целостность. Сильное течение снесло Роту *Е* в сторону от намеченной цели, и она на пляже смешалась с солдатами 16-го Полка 1-й Дивизии. Песок был усеян телами убитых и раненых, а те, кому удавалось добраться до волнолома в тыловой части пляжа, оказывались под огнем минометов. Офицеры делали все возможное, чтобы люди продвигались вперед. Капитану Лоренсу Мэйдиллу (Lawrence Madill), командиру Роты *Е*, почти оторвало руку, но он остался на ногах и продолжал кричать своим солдатам, чтобы они шли дальше. Перебегая через пляж, чтобы найти и поднести боеприпасы, Мэйдилл получил смертельное ранение. Уже умирая, он успел сказать: «Тот, кто старший из подофицеров, уведите людей с пляжа.»

Люди, прибывающие на пляж вслед за первой волны десанта, видели, что атака превратилась в кошмар, при этом практически ни одна часть не попадала в запланированный для нее сектор. Когда Рота *В* выбралась на пляж, перед ней предстали сцены побоища и разгрома. Рядовой Хэрولد Бомгартен (Harold Baumgarten, 1925-2016, на фото слева, его рассказы о *Дне Д* оказали большое влияние на подготовку к фильму *Спасти Рядового Райана*) видел, как его товарищ получил страшную рану в лоб, но «продолжал брести по воде, словно

сумасшедший. Потом я увидел, как он упал на колени и начал молиться, перебирая свои четки. В этот момент немцы перерезали его пополам своим перекрестным огнем.»

Неизвестный солдат: «Люди кричали от страха, люди накладывали себе в штаны. Я лежал рядом с несколькими другими парнями, оцепеневшими от страха и неспособными двигаться. Никто не делал ничего другого, все просто залегли. Это было что-то, напоминавшее массовый паралич. Я не видел никого из офицеров. Был момент, когда что-то ударило меня по руке. Я подумал, что поймал пулю, но это была чья-то рука, которую оторвало у кого-то. Это уже было слишком...»

Когда Рота К высадилась на пляж, ее сопровождали бригадный генерал [Норман Кота](#) (Norman Cota, 1893-1971), заместитель командира 29-й Дивизии, и полковник Чарлз Кэнэм (Charles Canham, 1901-1963), командир 116-го Полка. Кэнэм был полон решимости убивать немцев лично и пошел в атаку с ручным пулеметом BAR (*Browning Automatic Rifle*). Он был ранен в кисть руки, но отказался от медицинской помощи и двинулся дальше...

На восточной половине пляжа Омаха, где высаживался 16-й Полк 1-й Дивизии, дела шли не лучше. Рядовой Шродер (H.W. Schroeder) пришел в ужас от того, что он увидел, когда упала рампа его катера. Он и его товарищи медленно прошли через пляж, укрываясь за массивными противотанковыми ежами. Когда они добрались до волнолома, там оставалось уже совсем мало места для охваченных паникой людей. «GI лежали там в два слоя,» - вспоминал Шродер. В секторе Fox Green смешавшиеся роты 16-го Полка также понесли тяжелые потери. Люди из Роты F, сумевшие пройти через пляж и укрывшиеся за волноломом, растеряли, выбираясь из воды, большую часть своего оружия. В Роте I треть личного состава была убита.

Когда катер, в котором находился капитан Эд Возенски (Ed Wozenski, 1915-1987, на фото слева), командир Роты E 2-го Батальона 16-го Полка, сел на грунт, пули застучали по поднятой рампе. Группа солдат силой открыла ее и была скошена огнем. Возенски и оставшиеся в живых солдаты побрели к берегу. Он вспоминал: «Это был медленный, методичный марш без всякого укрытия от вражеского огня. Несколько человек наступили на невидимые под водой мины и взлетели на воздух... Те, кто еще был жив, продолжили свой путь и, в итоге, добрались до грядки из гальки, до максимальной отметки прилива. Это дало на какое-то время укрытие от убийственного огня пулеметов противника, но его минометы остались кошмаром для нас...» Вспоминает капитан Джон Финке (John Finke, на фото справа), командир Роты E 2-го Батальона: «Штурмовым группам пришлось брести через полосу воды шириной 30 ярдов и пересекать пляж, достигавший в ширину 130 ярдов – и все это под огнем. Это обошлось нам в 6 офицеров и в 80% личного состава роты.»

Винсент Маккинни (Vincent McKinney), Рота E, 16-й Полк, 1-я Пехотная Дивизия

Перед высадкой настроение у всех было спокойное. Я знал, над берегом порабатает авиация и военные корабли, но я знал, что будет трудно. Еще я помнил, что это - начало конца всей войны... Мы пересели с транспортного судна в десантный катер еще затемно. Меня ни разу не укачало на десантном катере время обучения, но укачало в этот самый день. Я волновался не больше чем обычно, но меня вырвало. Вырвало прямо под ноги, потому что я не мог подойти к борту. Катер было так забит людьми, что все сидели на корточках или на коленках, даже присесть по- нормальному не было

возможности. На пути к пляжу в катер было два прямых попадания. Мы выползли на грунт, рампа опустилась. Катер к этому моменту почти полностью залило водой, сходя с рампы, я был по плечи в воде. Первое попадание пришлось в кормовую часть. Второе - в борт где-то в середине, поэтому, когда я выбирался из катера, мне пришлось перелезть через трупы своих товарищей и расталкивать плавающие в воде тела. Среди них были ребята, с которыми я вместе воевал в прошлом. Думаю, из того катера высадились только горстка парней. Я не был первым, кто сошел с катера, но оказался первым на берегу. Других уложило, когда они были еще в воде. Вокруг не было ни души. Пули поднимали фонтанчики песка вокруг меня: в основном, по нам вели пулеметный и ружейный огонь. Еще несколько ребят выбрались на берег: кто-то хромал, некоторые вообще были без винтовок. Никто не вопил от боли: было тихо. Я посмотрел на часы: было 06.30. Видел ли я танки, которые предполагалось высадить на берег... Я вообще никаких танков не видел. У меня не было даже возможности повернуть голову и посмотреть на пролив. Только когда мы взяли ДОТ, я посмотрел назад и увидел корабли. На пляже тоже прибавилось людей, но все это случилось только через час или через два.

Весь путь от катера к пляжу занял у меня минут десять. Пляж был неширокий - 30-40 ярдов. Я выбрался на пляж и побежал в сторону ДОТа самым коротким путем. Когда я добрался до подножия склона, над которым был дот, со мной уже было несколько парней. Все это заняло какие-то секунды. Мы упали на землю и перевели дух, убедились в том, что ДОТ прямо над нами. Я осмотрелся, чтобы понять, кто со мной и на что можно рассчитывать. Есть ли у нас толовые шашки? Есть ли у нас огнемет? Там было несколько парней из 116-го Пехотного Полка – их 29-я Дивизия должна была высаживаться справа от нас, и эти ребята просто приبلудились к нам. Я сказал им оставаться с нами, залечь вдоль полосы прибоа и вести огонь по амбразурам.

Мой заместитель Таунсенд залег рядом со мной. Я повернулся к нему, поскольку он собирался что-то сказать, но тут он свалился лицом вниз: пуля попала ему прямо в голову. Мы с ним были вместе, еще начиная с лагеря Fort Devens в Штатах, и вот.... Ребята из второго или третьего отделения в это время продолжали брести к берегу – их косили из пулемета, они падали в воду. Огонь и смерть не останавливались ни на минуту... Склон был голый, ни кустов, ни валунов – спрятаться было негде. В итоге нам с лейтенантом удалось выстроить что-то вроде линии вдоль берега. После этого парни с бангалорскими торпедами добрались до колючей проволоки и подорвали ее. В проходы рванулись огнеметчики и ребята с толовыми шашками. Они и накрыли ДОТ, потому что пулеметный огонь прекратился. Рядом с дотом еще оставалась пара немцев, потому что кто-то продолжал бросать в нас гранаты, но Пол Мэнсфилд (Paul Mansfield), командир 5-го отделения, и другие ребята бросали эти гранаты обратно. В итоге, мы ворвались в ДОТ, но немцы к тому времени уже покинули его...

Вспоминает капитан Ричард Меррилл (Richard Merrill, 1919-2005) из 2-го Рейнджерского Батальона, высаживавшегося на западном фланге пляжа: «Я высадился первым. Седьмой по счету был следующим за мной, сумевшим пересечь пляж и уцелевшим. Всех остальных между нами зацепило: двое были убиты, трое ранены. Вот так должно было повезти.»

Десантники столкнулись с транспортными пробками на пляже. Саперы, которые также понесли тяжелые потери, сумели пробить лишь с полдюжину проходов через расставленные немцами заграждения. Танки, грузовики и бульдозеры, выехавшие на пляж, не имели возможности двигаться вперед и становились легкими целями для обороняющихся. Старшие офицеры секторов высадки остановили дальнейшую выгрузку машин в 08.30 в ожидании расчистки дополнительных проходов.

Находившийся на палубе крейсера *Augusta* генерал-лейтенант [Омар Брэдли](#) (Omar Bradley) был шокирован первыми сообщениями о ходе высадки на этот участок. Хотя высадка на пляж *Юма/Ута* шла более чем успешно, а британцы и канадцы успешно продвигались вперед в своих секторах, на пляже *Омаха* положение было катастрофическим. Потери

были огромными. Казалось сомнительным, что утратившие организацию уцелевшие солдаты и офицеры смогут пробиться вглубь суши.

Около 9-10 часов утра Брэдли всерьез рассматривал как вариант остановку высадки на пляж Омаха и перемещение последующих волн десанта в британскую зону вторжения. Вопрос продолжения атаки был решен не на уровне высшего командования, а благодаря инициативе командиров эсминцев и находившихся на передовой офицеров, сержантов и рядовых солдат. В частности, полковник Кэнэм, поднял людей криками, проклятиями и угрозами. Он видел, что атакующие прижаты к земле и сбились в кучу за волноломом, что они представляют из себя легкие цели для вражеских пулеметчиков и минометчиков, у которых пристрелян каждый дюйм побережья. Он понимал, что, поднявшись в атаку, его люди понесут тяжелые потери, но другого выбора не было. «Убирайтесь к черту с этого проклятого пляжа, идите вперед и убейте хоть сколько-нибудь немцев!» - орал он. Сержант Джон Слотер вспоминал, как Кэнэм кричал на лейтенанта, укрывшегося от минометного огня немцев: «Волоки свою задницу отсюда и покажи людям, что ты командир!» Дон Маккарти (Don MacCarty) из Штабной Роты рассказал о том, как Кэнэм ходил по пляжу в полный рост под вражеским огнем: «Я бросил все к черту и пошел вперед. Я боялся полковника Кэнэма больше, чем немцев.»

Командиры восьми американских эсминцев, находившихся на траверзе пляжа, в отчаянии наблюдали за мясорубкой, устроенной немцами, но взяли инициативу в свои руки, подвели свои корабли поближе к берегу и обрушили огонь на немецкие позиции над волноприбойным уступом. Вспоминает майор Кеннет Лорд (Kenneth Lord), 16-й Полк: «Их кили, должно быть, цеплялись за дно. Это была самая большая помощь, которую мы получили за весь день. Это они сыграли главную роль в том, что произошел прорыв через пляжную линию обороны.»

Чак Хёрлбат: «На самом деле нас спасло вот что - и один из моих приятелей потом написал об этом – вплотную к берегу подошли эсминцы, так близко, что мы удивлялись, как они еще не сели на мель, и стреляли по ДОТам, которые вели огонь. Находившийся на берегу танк стрелял по ДОТу, показывал кораблю цель, а потом корабль стрелял... Они выбили ключевые ДОТы, которые реально выкашивали плацдарм. Мой друг, и я с ним согласен, писал, что если бы не эсминцы, то мы бы не смогли пробиться. Они сыграли важнейшую роль в том, что сопротивление противника было подавлено.» В одном из случаев сержант Уильям Пресли (William Presley) наткнулся на убитого военно-морского офицера, у которого в рюкзаке за спиной была рация, вышел на связь с эсминцем *Satterlee* и навел его огонь на bunker, в котором находились реактивные минометы *Nebelwerfer* и 105-мм минометы. В результате этот опорный пункт обороны был подавлен, что обеспечило прорыв в секторе *Dog Green*. В 12.20 эсминец *McCook* обстрелял береговой обрыв в секторе *Charlie*, подавив орудие большого калибра. Правда, при этом клиф обвалился, и при этом погибли раненые, укрывавшиеся у его подножия...

Бригадный генерал Норман Кота (на фото слева, популярный среди солдат и офицеров генерал, в фильме *Самый Длинный День* его играет известный актер [Роберт Митчем](#) (Robert Mitchum, 1917–1997)) проявил себя ничуть не хуже Кэнэма, поднимая людей в атаку на злосчастный уступ, нависающий над пляжем. Он лично руководил подрывом проволочных заграждений бангалорскими торпедами и лично повел людей в прорыв через образовавшийся проход. Он остался целым и невредимым, тогда как рядом с ним были убиты пять человек. Незаурядную храбрость проявил и заместитель командира 1-й Дивизии бригадный генерал Уиллард Уаймэн (Willard Wyman, 1898-1969). Он расхаживал по пляжу под огнем, давал задания группам солдат, рассылал вестовых с приказами и координировал действия своих людей с действиями 29-й Дивизии.

Младшие офицеры и подофицеры также поняли, что у них будет больше шансов выжить, если они перестанут прижиматься к земле, и повели небольшие группы людей в атаку вверх по уступу. Этот склон был густо усеян минами, и пехотинцы заплатили дорогую цену за каждый шаг вперед: после боя земля на нем осталась усеянной изуродованными взрывами трупами *GI*. Однако через какое-то время пехотинцы стали находить проходы между минами, и уже вскоре сопротивление немцев стало ослабевать. Американцы зачищали один ДОТ за другим и расстреливали тех, кто вел огонь по ним из траншей. Наступил момент, когда атакующие повернули на юг отбитые у противника пулеметы и стали косить тех, кто еще недавно убивал их, а теперь бежал в панике.

Сержант Уорнер Хэмлетт (Warner Hamlett) из 116-го Полка и отделение солдат из Роты *D* атаковали позиции немцев над уступом между двумя ДОТами, после чего начали зачищать соединяющие их траншеи. В итоге, они зашли ДОТам в тыл, забросали их гранатами через двери и вентиляционные отверстия, после чего перестреляли уцелевших, ворвавшись вовнутрь. Эта тактика будет применена не раз в ходе боя за уступ. «Храбрость и отвага солдат были невероятными,» - вспоминал Хэмлетт.

Американцы продвигаются вперед по пляжу Омаха. На заднем плане можно разглядеть танк-ковроукладчик

Взводный сержант Джон Эллери (John Ellery, 1920-2001) из 16-го Полка видел, как капитан и двое лейтенантов повели за собой группы солдат, хотя у одного из офицеров была сломана рука. Позднее он говорил: «Когда вы говорите о лидерстве в бою там, в Нормандии, я не знаю, кто заслужил большей благодарности, чем командиры рот и старшие подофицеры...»

Поздним утром и в ранние послеполуденные часы американцы сбили немцев с бровки уступа. «Части, еще недавно прижатые к земле на пляжах *Easy Red*, *Easy Green* и *Fox Red*, атакуют высоты за пределами пляжей,» - сообщил командованию в 13.00 генерал-майор Леонард Джероу (Leonard Gerow), командир 29-й Пехотной Дивизии. До полного успеха было еще далеко, но, в конце концов, плацдарм на пляже *Омаха* был создан. К 2-3 часам дня части 116-го Полка и 2-го и 5-го рейнджерских батальонов уже выбивали немцев из прибрежных деревень к югу от пляжа.

Несмотря на то, что большая часть высаживаемых на берег танков так и не дошла до пляжей, оставшиеся несколько десятков, из которых больше половины были подбиты, сыграли значительную роль в успехе первого дня. По словам командира 2-го Батальона 116-го Полка, танки «спасли положение... Они выколотили всю душу из немцев, и их самих повыбило до черта.»

В первые часы после высадки в бою принимали участие не только пехотинцы, саперы и танкисты. Минометчик Эдди Стиг (Eddie Steeg), который нес сошки, остался сам по себе. Он подобрал брошенный кем-то автомат *Томпсон/Thompson* и пошел с ним за пехотой. Стиг вспоминал: «Я не мог удержаться от того, чтобы подхватить настоящий *томми-ган*. Теперь я, возможно, мог копировать *Джимми Кэгни* (Jimmy Cagney) и использовать это оружие, чтобы уничтожить этих *грязных крыс джерри* (*dirty rats* - искаженная цитата из фильма *Blonde Crazy* (1931); *jerry* – распространенное среди американцев прозвище немцев.). Моряк с потопленного десантного катера Роберт Жигер (Robert Giguere, 1926-2020, на фото слева) выбрался на берег с раной в плече, после чего стал оказывать помощь лежавшим на пляже раненым. Он вспоминал: «Я никогда не видел столько раненых, умирающих и мертвых. Я никогда не видел такую мешанину из горевших всюду и везде грузовиков, танков, джипов, вездеходов.» Он прополз через просвет в проволочном заграждении и натолкнулся на армейского лейтенанта, который дал ему пару гранат, вероятно, приняв его за безоружного солдата. Жигер прополз сотню футов и подобрался к

бункеру, из которого немцы поливали пулеметным огнем пляж, и забросил обе гранаты в его амбразуру. *GI*, находившиеся рядом, перекинули ему свои гранаты, и ему осталось только выдернуть у каждой чеку и забросить в бункер. «Должно быть, я закинул туда шесть или восемь гранат и перебил их всех к черту, после чего пришлось убираться оттуда как можно быстрее, потому что на подходе был эсминец, который вот-вот должен был открыть огонь по ДОТам.»

Вспоминают немцы

Вспоминает полковник Эрнст Гот (Ernst Goth, 1897-1986, на фото слева), командующий защитниками пляжа *Омаха*: «Мы все чувствовали, что вторжение может начаться в любой момент. Вечером 5 июня полк был в боевой готовности. Люди находились на разных позициях вдоль пляжа: на наблюдательных постах, на укрепленных пунктах, в подземных укрытиях и в траншеях. Многие находились на существенном расстоянии от пляжа, так как предполагали, что высадке будет предшествовать мощная бомбардировка с воздуха.»

Примерно в 02.00 мы были приведены в состояние полной боевой готовности. Из других частей приходили сообщения о том, что парашютисты и планеры с десантом приземляются на разных участках близ Карантана/Carentan. Около 06.00 наши позиции подверглись интенсивной бомбардировке. Примерно в 06.30 мы увидели на горизонте первые корабли, после чего они открыли по нам огонь. Я приказал артиллеристам и пулеметчикам ждать, пока десантные средства не подойдут к пляжу на расстояние в пределах 400 метров, после чего можно будет открыть огонь. Около 07.00 я посетил оборонительные пункты *WN67* и *WN69* (*Widerstandnest* – нем. гнездо сопротивления) в Сен-Лоране/Laurent и Коллевиле/Colleville, находившиеся в центре моего сектора. Я принял участие в ожесточенном бою с американцами, которые сумели взобраться на сложенный галечником уступ, но были сброшены с него.»

Вскоре после полудня я передал в штаб сообщение о том, что американцы высадились на побережье несколькими волнами, но мы удерживаем их на пляже и поблизости от него [за уступом]. Огонь корабельной артиллерии становился все более интенсивным...» Гот

охарактеризовал ситуацию после первого дня коротко и сухо: «К вечеру 6 июня противник сумел пробить бреши [в наших позициях] и достиг западной окраины Вьервиля/Vierville-sur-Mer и окрестностей Сен-Лорана и Коллевиля.)

Клаус Херриг (Klaus Herrig), 21 год: «Некоторые дурачки верили, что Германия еще может выиграть войну, но я к ним не относился. К тому времени я уже не мог в это поверить, думаю, половина моих товарищей чувствовала то же самое. Все видели, что мы не являемся непобедимыми, как нам всегда об этом говорили... Мы ожидали, что вторжение состоится летом, и ждали его со смешанными чувствами. Я знал, что буду должен исполнить свой солдатский долг, но в глубине души я просто надеялся, что все кончится раньше.»

Хайнрих Рундер (Heinrich Runder, получил ранение в [боях на Сицилии](#)) вспоминал о том, что почувствовал, когда увидел армаду сил вторжения: «Это был страх в чистом виде. Колоссальное количество кораблей, просто колоссальное... Могу сказать вам, что у меня пересохло в горле так, что в нем заскребло до боли, руки затряслись. Я был не единственным, на кого это так подействовало: одного из очень молодых парней начало выворачивать наизнанку...» Рундер добавил, что, когда началась бомбардировка с моря и с воздуха, у него «зазвенело в ушах и пошла кровь из носа. Я видел большой бункер позади нас. Одна из ракет попала в него и просто разнесла его на куски. Его крыша и стены развалились.» Он с ужасом вспоминал момент, когда одна из ракет (возможно, в данном случае речь идет об обстреле из ракетных установок с моря – ВК) попала в траншею, назвал это «настоящей преисподней и хаосом»: у него на глазах метались люди, охваченные пламенем, они падали и сгорали...

Еще не началась высадка, как стали случаться инциденты с солдатами-европейцами. Один из немецких солдат рассказал о том, что взвод поляков застрелил своего немецкого командира, не желая сражаться. Однако подавляющая часть солдат противника осталась верной присяге.

Вспоминает унтер-офицер Хенрик Наубе (Henrik Naube, участник боев на Восточном фронте), пулеметчик, занимавший позиции с восемью другими солдатами в укрепленном пункте WN72 (окраина Вьервиль-сюр-Мер). Он рассказал о том, что бомбардировка с воздуха не создала им особых проблем, но обстрел с моря привел к разрушению расположенного в нескольких сотнях метров от WN72 пулеметных ДОТов и немалому шоку для него и его товарищей. Один из них психологически сломался, выскочил из траншеи и погиб, иссеченный осколками...

Страшный грохот прекратился, и, как вы можете себе представить, это стало огромным облегчением для нас. В ушах у меня звенело, на лице была кровь, которая попала и в глаза. Мы понимали - прекращение артобстрела означало то, что высадка начнется вот-вот, так что мы промыли глаза водой из фляжек. Отодвинули металлические листы, [которыми были накрыты траншеи], медленно встали на ноги и один за другим высунули головы над [бетонным] бруствером. Я установил свой MG42 в бойнице и вспомнил, как мой отец рассказывал мне много раз о том, что ему приходилось делать это, когда он был пулеметчиком в [сражении на Сомме](#) во время ПМВ. Теперь это же самое сделал я. Пока мы сидели в укрытии, десантные корабли и катера подошли довольно близко к берегу. Я пока не знал, кем по национальности были сидевшие в них люди. Катеров было очень много. По меньшей мере, десяток приближался ко мне, рассекая волны. Они были примерно в одном километре от нашей позиции, но вдоль всего пляжа мы могли видеть, что их намного больше, и они на подходе... За ними были видны небольшие боевые корабли всех видов – море было полностью забито этой огромной стаей.

Должно быть, вам интересно, о чем я думал, когда видел, как они приближаются к нам. Честно скажу, не припомню, чтобы у меня в голове были какие-то отчетливые мысли или эмоции, кроме беспокойства о том, не поврежден ли мой пулемет во время артобстрела. Я выпустил очередь длиной в секунду, чтобы проверить его. Парни из расчета второго пулемета заорали на меня, чтобы я придержал огонь и следовал

приказу. Я прокричал в ответ, чтобы они протестировали свой пулемет, что ими было сделано. Потом я услышал похожие короткие очереди по всему клифу – пережившие артобстрел проверяли свое оружие.

Наши тяжелые орудия открыли огонь. Это были 88-миллиметровки, размещенные в казематах в стороне от нас. На нашем участке было три таких орудия, но стреляло только два, из чего я заключил, что одно из них разбито. Расчеты 88-миллиметровок стреляли очень точно и попали в носовую часть одного из десантных катеров. Это был фугасный снаряд: он прошел насквозь и взорвался внутри катера. Я увидел, как один из приближающихся к моей позиции катеров был поражен подобным образом: его рампа взлетела в воздух, и внутри него я увидел большое количество людей, получивших ранения, но вокруг них по-прежнему были те, кто не пострадал. Они стали пытаться вскарабкаться на борта катера, потому что он начал наклоняться вперед – его носовую часть заливала вода. Теперь по каскам я мог сделать вывод, что это американцы. Артиллеристы всадили еще один снаряд в людскую массу, в результате чего несколько человек вылетели из катера в воду. Он начал тонуть носом вперед, корма поднялась в воздух, и люди немедленно посыпались в море. Эти картины повторялись вдоль всего пляжа, когда в эти катера попадали снаряды, а в некоторых случаях они просто загорались. В этот момент корабли открыли огонь по пляжу, чтобы подавить нашу артиллерию, и они добились нужного результата. Мы снова пригнули головы, а наши 88-миллиметровки прекратили огонь. Однако я продолжал вести наблюдение через свою бойницу и разглядел, что несмотря на потери десантные катера начали опускать свои рампы и что сидевшие в них люди начали выходить по ним и спускаться в воду. Все это они делали без спешки, все проходило в организованном, весьма организованном порядке. Катера останавливались там, где вода была людям по грудь или по шею... В большинстве случаев люди пытались двигаться вперед один за другим, держась за рюкзак идущего впереди. Все было так, будто они проходили боевую подготовку или были на учениях. Когда последний спускался в воду, катер давал задний ход, закрывал рампу, и к пляжу рядом с ним подходили другие катера. Дисциплина и мастерство солдат, то, как управляли катерами, производили впечатление. Итак, первые ряды этих парней побрели в мою сторону. Это единственное слово, подходящее к случаю: они шли медленно и организованно. Они уже вышли туда, где было помельче: волны теперь были им по грудь или по пояс. Именно в этот момент мы открыли огонь, как нам было приказано.

Они были метрах в 400 от нас. Сначала я не целился в кого-то индивидуально, а водил ствол пулемета слева направо вдоль пляжа. Так я скашивал по несколько человек в каждой линии. Вы должны помнить, что MG42 был настолько мощным оружием, что его пули часто прошивали человеческое тело насквозь и попадали во все, что было за ним, так что многих из этих парней сражали пули, уже прошедшие сквозь тело одного или даже двух, кто шел перед ним. После этого я начал целиться более избирательно, чтобы сэкономить патроны. Я выпускал короткие очереди по небольшим группам людей и так поражал их.

Американцы пытались переждать все это, кто-то пытался добраться до берега побыстрее. Они все еще продвигались довольно медленно и, в связи с этим, на небольшом расстоянии от меня они были легкими целями. В ряде случаев они пытались остаться в воде, там, где было по шею, вероятно, надеясь на то, что так они будут менее заметными. Я не стрелял по ним, потому что не было видно, чтобы они продвигались вперед. В других случаях люди пытались найти укрытие за противотанковыми ежами или надолбами, но они были слишком узкими, чтобы дать человеку какую-то защиту, и в них тоже попадали наши пули.

Сцена из кинофильма Спасти Рядового Райана. Таким видели пляж Омаха немецкие солдаты в первые часы высадки...

Были и другие парни, которые, как я мог разглядеть, сбрасывали с себя рюкзаки и снаряжение и выбегали на песок, пытаясь пересечь пляж и домчатся до волнолома. Таким, само собой, я уделял особое внимание и старался добиться того, чтобы никто из них не прошел больше, чем несколько шагов. Наш второй пулемет действовал в том же ключе, что и мы, и общими усилиями мы не давали американцам выйти на пляж напротив нас. Я также стрелял вдоль пляжа по тем, кто выбирался на песок. Пока все это происходило, по нам время от времени открывали огонь корабли, а позади десантных катеров были катера, которые вели огонь ракетами по дюнам. Разрывы этих ракет были грандиозными, но они не падали с недолетом. Тем временем одна из наших 88-миллиметровок снова открыла огонь и потопила еще несколько десантных катеров. Вся акватория напротив нас была забита ими, и те, с которых солдаты уже высадились, сталкивались с горящими или дрейфующими, поврежденными и потерявшими управление катерами.

Укрепленный пункт WN72. Так художник Майкл Эккерман (Michael Ackerman) изобразил момент боя, описанного Хенриком Наубе. Таким видел пляж Омаха немецкий пулеметчик...

Честно говоря, я не знаю точно, скольких человек я убил. Могу сказать, что мелководье непосредственно напротив нас было забито трупами, их было не менее 100. Эта цифра повторялась по всему пляжу напротив других огневых точек. Начинался прилив, и эти тела перекачивались волнами и покачивались на них, а каски, винтовки и прочее снаряжение болталось в воде вместе с ними. После первоначального прилива энергии и решимости, который я испытал, когда атака началась, я почувствовал, что мне жалко этих парней. Они продолжали прибывать на своих катерах. Катера выгружали их, и они брели по направлению к нам по воде все так же, как и перовая волна десанта. Мы все так же стреляли по ним, убивая их и калеча. Мой второй номер не остался равнодушным к этому: он покачал головой и сказал, что американцы не должны жертвовать своими людьми подобным образом. Я уже говорил, что мой отец был на Сомме во время ПМВ. На Сомме, рассказывал он, немецкие пулеметчики кричали наступающим британцам, чтобы те шли назад и спасали этим свои жизни. Здесь подобного общения между нашими и американцами не было, во всяком случае, я о таком не слышал. Мы прекращали стрельбу только тогда, когда ствол нашего MG начинал перегреваться и появлялись осечки. Мы не хотели, чтобы наше оружие отказывало, поэтому опускали его и давали ему остыть. Потом мы брали свои винтовки и стреляли из них. Это означало, что наши руки и головы оказывались над бруствером, и только тогда я заметил, что в нас полетели первые пули. На пляже появились неровности из-за артобстрелов, были на нем и природные неровности, например, невысокая гравийно-галечная гривка под волноприбойным уступом. Некоторые американцы укрывались в этих неровностях или за ними и спорадически стреляли по нам. На этом этапе корабли прекратили огонь: полагаю, они следили за происходящим и ожидали того, что вот-вот начнется ближний бой, ... но американцы, укрывшиеся за галечной гривкой, не видели возможности продвижения вперед, потому что мы открывали по ним огонь, как только они появлялись из-за нее. Тем временем прилив набирал полную силу, так что на песке оставалось все меньше и меньше места... Это означало, что прибывающие на пляж вообще почти не имели места, чтобы найти укрытие, так что побоище возобновилось.

Карл Вегнер (Karl Wegner) испытывал чувства, сходные с теми, которые посещали Хенрика Наубе, когда он видел, как его пулеметные очереди скашивают одну волну атакующих за другой, он рассказывал: «Мой разум оправдывал все это – идет война. Но, хоть и было так, у меня во рту остался горький привкус... В тот момент не было времени думать о том, правильно я поступаю или нет, речь шла о том, чтобы выжить. После первых нескольких минут в моей голове все автоматизировалось... Когда пулемет заклинивало, я быстро приводил его в порядок, потому что каждая секунда имела значение... Когда я ставил пулемет на боевой взвод, казалось, уже в тысячный раз, я делал паузу и смотрел вниз, на пляж. Там я видел Ами (Ами - обычное у немцев прозвище американцев – ВК), лежавших повсюду. Некоторые были убиты, другие еще живы. То, что я видел, убедило меня в том, что в данный момент там, внизу, им хуже, чем нам, хотя мы все еще были под огнем.»

Для немцев, занимавших позиции вдоль верхней бровки волноприбойного уступа, пляж представлял из себя стрельбище. Рядовой Франц Глёткель (Franz Glöckel, 1925-2005), пулемет которого был выведен из строя разрывом артиллерийского снаряда (это был польский пулемет довоенного производства с водяным охлаждением), схватил свою винтовку и открыл из нее огонь по скучившимся на пляже людям. По тем из них, кто нашел укрытие сразу за волноломом у подножия уступа, открыли огонь немецкие минометчики. «Они дождались этого момента и повели убийственный огонь по заранее пристрелянной полосе вдоль уступа,» - вспоминал Глёткель. Когда американские десантные корабли и катера начали отходить от берега, он и его товарищи решили, что противник начал полный отход...

Подобная мысль посетила и Хенрика Наубе:

Мы снова открыли огонь из наших пулеметов. Был момент, когда я подумал, что американцам, возможно, придется оставить пляж и что мы отразили вторжение. Я помню, как один катер подошел к мелководью и тот, кто на нем командовал, казалось, замешкался. Катер замедлил ход и начал осторожно пробираться между другими катерами и препятствиями, словно искал место для десантирования людей, но он так и подошел к берегу. Он отвернул и начал маневрировать так, словно собирался уйти. Едва ли я стал бы обвинять в чем-то того, кто на нем был за старшего. Я не уверен в том, что, увидев следы побоища на песке со всеми этими покачивающимися трупами и очевидное отсутствие укрытий для людей, я бы стал пробиваться дальше... Но этот катер, поворачивая назад, подставил свой борт 88-миллиметровкам, и ему немедленно вцепили снаряд ниже ватерлинии. Взрыв вырвал большой кусок борта, и катер начал быстро погружаться в воду. Я увидел сидевших в нем людей, когда приподнялось его днище, и вся его внутренняя часть оказалась повернутой в нашу сторону. Там были различные автомашины: джипы и грузовики, не только люди. Машины начали сползать на людей, кроша и калеча их. Кто-то из этих парней начал прыгать в море. 88-миллиметровка снова выстрелила, снаряд разорвался внутри катера, в считанные секунды его охватило пламя, после чего он быстро затонул в окружении людей, барахтающихся в воде.

Я тогда подумал, что, если еще кто-то попытается повернуть назад, просто не хватит американцев, чтобы заменить тех, кто уже полег на пляжах, и, таким образом, мы победим в этом страшном бою. Тем не менее, это ощущение быстро прошло. Мы оказались под более сильным огнем, и на пляже начали появляться танки. Это не были амфибийные танки. Вдали я увидел, как прямо из моря появился одиночный танк. Это был легко узнаваемый Шерман. У было сложилось впечатление, что он появился со дна моря – так мне показалось. Это была невероятная картина... Этот танк появился сам по себе, он сразу попал под огонь противотанковых пушек и был немедленно обездвижен. После этого я увидел очень большой десантный корабль, подошедший к берегу на несколько сотен метров. Он опустил рампу, и я увидел, как из него выехал Шерман и скатился в воду. Он имел вокруг себя что-то вроде экрана и стал продвигаться по мелководью медленно, но устойчиво, после чего выехал на песок. Он немедленно открыл огонь по огневым точкам на клифах. Потом другие танки появились из другого корабля, остановившегося за первым – не помню точно, сколько их было, вроде, несколько. Одновременно с этим наша позиция оказалась под очень точным минометным огнем, так что отрезок времени, когда я думал, что мы можем победить, оказался очень коротким.

К полудню немецкие солдаты стали близки к израсходованию боеприпасов. Они гибли один за другим под огнем с моря и с воздуха, гибли от пуль и гранат атакующих их пехотинцев и от огня танков. Попытки доставить боеприпасы и подкрепления к передовой окончились провалом: в воздухе господствовали истребители-бомбардировщики союзников, уничтожавшие один приближающийся к побережью немецкий грузовик за другим...

Вспоминает Карл Вегнер: «Я израсходовал пулеметную ленту и стал ждать, когда Вилли зарядит новую. Он затолкал ее, и я заметил, что в ней было всего 50 патронов. Обычно ленты соединяли в одну с примерно 200 патронов. Я сказал ему принести еще боеприпасов, поскольку эта лента была ненадолго, а он ответил, что другую взять негде. Я посмотрел на кучу пустых патронных коробок, пустых лент и гильз. Это было все, что осталось от 15 000 патронов. Двое других парней смотрели на меня, и как сейчас я вижу вопрос на их лицах: «Ну и что будем делать дальше?»»

Солдат, имя которого осталось неизвестным: «Настроение стало мрачным после гибели командира. Бой продолжался, и мы видели дым, поднимающийся над одним из наших пунктов обороны, в то время как другие замолчали. Мы не могли вступить в контакт с теми, кто все еще сопротивлялся, ... и чувствовали, что остались в одиночестве. Мы продолжали стрелять в Ами, но только для того, чтобы держать их на расстоянии от себя. Я рассуждал по-простому: «Не стреляйте в меня, а я не буду стрелять в вас...»»

Когда американцы начали прорывать линию обороны и выходить в тыл оборонительным пунктам, у немецких солдат и их подневольных союзников не оставалось иного выбора, кроме сдачи в плен. Рядовой Штефан Хайнефец (Stefan Heinevez) рассказал о том, как находившийся рядом с ним солдат был сражен пулей, попавшей ему в горло, после чего его добил пуля, попавшая в грудь: «Его буквально разорвало в клочья прямо напротив меня.» Несколько мгновений спустя их позицию обстреляли самолеты союзников, и русский солдат, перешедший на службу немцам, оказался разрезанным пулеметной очередью пополам... «Остальным не оставалось ничего другого, как переступить через его останки, когда мы убегали,» - вспоминал Хайнефец.

Хенрик Наубе о завершающей стадии боя 6 июня:

Мои воспоминания о завершающих стадиях этого сражения довольно бессвязны. На нашу позицию обрушился минометный огонь, который вели из одной из воронок на пляже. Это были мины малого калибра, но они разлетались на множество осколков, которые рикошетили от самых разных поверхностей. Мой второй номер был ранен заднюю часть шеи. Здоровенный кусок плоти свесился вниз, и кровь из раны лила ручьем. На его место заступил запасной парень, он же принес пару патронных коробок, так что мы продолжили вести огонь через бойницу. Однако из-за разрывов мин стало трудно видеть цели на пляже, так как они поднимали клубы дыма и пыли, из-за чего я стал вести огонь вслепую просто по зоне пляжа. Не знаю, был ли это преднамеренно выставленная дымовая завеса, но из-за этого наш огонь определенно стал менее эффективным.

В дополнение к этому тяжелые снаряды снова стали падать в наше расположение, и, я думаю, это по нам стреляли Шерманы. Один снаряда упал на нашу позицию, и многие из тех, кто находился позади меня в зигзагообразной траншее, были ранены. Потом я увидел вспышки и до меня донесся звук выстрелов с бровки клифа и с другой стороны оврага, рядом с которым мы находились. Это был ужасный момент: это означало, что американцы каким-то образом прорвались к верхней части клифов, или же со стороны суши подошли их воздушно-десантные части. Так или иначе, это случилось. Появление американцев среди наших позиций на клифах было серьезной угрозой. Временами, когда ветер сдувал в сторону дым, я также видел, что американцы стали использовать против нас огнеметы, так что, разглядев человека, передвигавшегося в нашу сторону через пляж от одного укрытия к другому, я встревожился, так как мне показалось, что он несет огнемет и ранец за спиной. Я подстрелил его из своего MG42, и пули, по всей видимости, подожгли баллоны с горючим в его ранце. Прогредел взрыв, и он полностью исчез в столбе огня, поднявшемся в воздух, словно гриб. Обе стороны приостановили стрельбу: вероятно, все видели то, что случилось с этим парнем. Но потом стрельба возобновилась и стала интенсивнее, чем когда-либо...

Понимая, что бой проигран, некоторые из европейских рекрутов стали отказываться от дальнейшего сопротивления. Один из немцев по имени Хельмут рассказал, как поляки и эльзасцы, находившиеся с ним в одной траншее, сказали своему немецкому командиру, что пора сдаваться, когда американцы пошли в очередную атаку. Командир отказался, пригрозив им, что застрелит их, если они откажутся сражаться. В итоге, один из рекрутов убил его выстрелом в голову, а сам Хельмут, последний оставшийся в траншее немец, был избит, выброшен из траншеи и был вынужден бежать.

Йозеф Хэгер (Joseph Häger) пробыл в бою у пляжа Омаха всего час, который потом вспоминал как самый ужасный момент всей его жизни. Он оказался изолированным в бункере с 30 ранеными, когда американцы заняли эту позицию. Последние начали засыпать землей вентиляционные отверстия перед тем, как пустить вход огнемет. Внутри бункера едва не случился бунт, но один из немцев отобрал белое одеяло у одного из раненых, прикрутил его к шесту и высунул его наружу в знак капитуляции. Уже упоминавшийся Хенрик Наубе оказался в плену, почти полностью потеряв сознание от близкого разрыва мины. Он был немало удивлен тем, что его оставили в живых, так как ожидал, что его пристрелят на месте, когда увидят рядом с пулеметом. «Когда я думал о пляже, о гудах трупов на нем..., я полагал, что противник просто убьет нас, - вспоминал

он. – Не знаю, смогли бы мы проявить милосердие к ним, если бы мы поменялись ролями и оказались в роли атакующих...» Наубе был эвакуирован в Англию, излечился от ран и контузии и менее чем через два года вернулся в Германию. По его воспоминаниям, он был допрошен всего один раз, после чего союзники не проявляли к нему интереса...

Одна из сцен убийства сдающихся в плен отражена в фильме *Спаси Рядового Райана*, - они кричат по-чешски, чтобы в них не стреляли. Американские ветераны были возмущены этой сценой и отрицали, что подобное имело место, но скорее всего, без этого не обошлось, тем более что такая сцена есть и в фильме *Самый Длинный День*. По воспоминаниям Чака Херлбата, сдающиеся в плен восточноевропейцы действительно «часто говорили: «Я поляк, я поляк» или «Я русский, я русский». Они старались дать понять, что они не немцы, что их принудили.»

Австралийский военный корреспондент [Алан Мурхед](#) (Alan Moorhead, на фото слева) в своей книге *Затмение/Eclipse* (1945) так описал свою встречу с захваченными в Нормандии немцами, поляками и русскими:

Немецкие офицеры и унтера сидели небольшими неподвижными группами. Они молча смотрели поверх голов охранников и других пленных и даже не разговаривали друг с другом. Все, что они хотели дать понять, было абсолютно очевидно: достоинство, гордость, презрение, безразличие. Сила даже после поражения... Немецкие солдаты спали, у них не было никакой позы – они просто отдыхали... Русские и поляки

стояли, как скотина. Бессловесные, медленные и тяжеловесные. Один из них запел жалобную песню. Остальные просто стояли и ждали. Им дали галеты и мясо, и они не выразили никаких эмоций, кроме желания добраться до еды. Если бы их повели расстреливать одного за другим, они бы, вероятно, не выразили удивления. Ситуация была за пределами их понимания.

Немецкие военнопленные. Пляж Омаха. Фото Роберта Капа

Так выглядела со стороны эта сцена с пленными. Десяток разных национальностей. Все реагируют по-разному, стремятся к чему-то разному, говорят на разных языках. Всего лишь час-другой назад они сражались с самоубийственной ожесточенностью. ДОТы держались еще долгое время после того, как поражение стало очевидным.

Русские стреляли до последнего момента, прежде чем поднять руки вверх. Теперь, за колючей проволокой, наблюдалось полное разложение, и ненависть к немцам была очевидной. Когда привели еще одну группу пленных, немецкий офицер нагнулся, чтобы поднять упавшую сигарету. Какой-то поляк выбежал и втоптал окурки в грязь. Затем он повернулся к немцу и захохотал ему в лицо. Я нашел американца, который говорил по-польски, и мы начали беседовать с пленными, в основном, с одним, который выглядел интеллигентнее других. «Почему я воевал за немцев? Хотите взглянуть на мою спину? Она вся в шрамах от шеи до задницы. Они били меня палашом. Ты подчиняешься приказам, или тебя не кормят. Да, я стрелял из окопа. Там был немецкий унтер, который стоял за моей спиной с револьвером. Просто стрелять было недостаточно. Надо было стрелять вперед. Не сделаешь этого, получишь пулю в спину. Если не верите мне, спросите других. Люблю ли я немцев? Да я бы повырывал у них кишки...»

Среди взятых в плен на пляже Омаха был поляк Алоизиус Дамски (Aloysius Damski), который рассказал следующее: «Я – поляк. Работал на фабрике, производящей оружие. Потом меня подловил управляющий и сказал, что или я запишусь в немецкие вооруженные силы, или буду объявлен политически неблагонадежным, что означало почти неминуемую отправку в концлагерь. Мне было всего 20 лет, я любил жизнь, так что я выбрал армию. После обучения я был отправлен в Нормандию в смешанную часть из поляков, чехов, русских и немецких офицеров и унтеров.»

Среди немецких участников этого эпизода ВМВ особое место занимает Хайнрих Зеферло (Heinrich Severloh, 1923-2006). Он со своим пулеметом *MG34* на треноге для зенитного огня находился на оборонительном пункте *WN62*, расположенном на восточном фланге сектора *Easy Red*, – там, где высадилась Рота *E 116*-го Полка. На этой позиции были еще два довоенных польских пулемета (за одним из них был уже упоминавшийся Франц Гёккель), а также две 75-мм пушки, две 50-мм противотанковые пушки и два миномета.

Хайнрих Зеферло в юности в форме Вермахта (слева) и на склоне лет в Нормандии (справа), на кладбище, где похоронены сотни убитых им американских солдат...

Продержавшись на боевом посту 9 часов, Зеферло успел израсходовать около 14 000 пулеметных патронов и сделать около 400 выстрелов из двух имеющихся у него винтовок. 7-го июня он сдался американцам и провел около двух лет в плену в США и Великобритании. После войны он дал огромное количество интервью, подружился с крупными военными историками, встречался с теми, кто высаживался напротив его ДОТа, и вообще стал медийной личностью и едва ли не звездой. Впрочем, сам он всю свою долгую жизнь тяжело переживал то, что случилось с ним 6 июня 1944 года:

А что я мог сделать? – говорил он. – Я просто думал о том, что до тыла мне никогда не добраться. Думал о том, что сражаюсь за свою один раз данную мне жизнь. Было так – я или они... Я вовсе не хотел идти на войну, я не хотел оказаться во Франции. Никогда я не хотел оказаться в том бункере, чтобы вести огонь из пулемета... Я видел, как поднимаются фонтанчики воды там, куда ложатся мои пулеметные очереди, видел, как они подбираются к GI и скашивают их. Очень скоро первые тела стали выносить на берег поднимающейся приливной волной. Через короткое время все американцы, оказавшиеся там, внизу, были убиты... Определенно, их было, по меньшей мере, 1 000, вполне вероятно, более 2 000. Но я не знаю, скольких я убил. Это было ужасно. Меня тошнит, когда я думаю об этом. Я выкосил целые десантный катер, и море вокруг него стало красным. Я даже слышал, как истерически кричит что-то в громкоговоритель американский офицер...

Скорее всего, Зеферло убил менее одной тысячи человек. Всего на шести милях пляжа Омаха американцы потеряли около 4 700 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, а огонь по ним вели и другие пулеметчики и стрелки. Стреляли артиллеристы и минометчики, а высаживающиеся на берег нередко просто тонули или подрывались на минах. Так или иначе, на счету Зеферло многие сотни убитых. Был ли он героем, сказать трудно. Язык не поворачивается сказать это о нем, о Хенрике Наубе или о ком-либо другом из тех немцев, кто оборонял пляж Омаха. Они сражались на чужой земле и не за правое дело, а за мерзкую, отвратительную идею, но были верны присяге и выполняли свой солдатский долг, пока у них оставалась такая возможность.

Фото слева: в центре – сильно заросший ДОТ Хайнриха Зеферло, левее – наблюдательный пункт; фото справа – вид на расчищенный ДОТ, из которого он вел огонь...

Эпилог

К концу дня пляж Омаха был усеян трупами, разбитой техникой, брошенным снаряжением. Вспоминают американцы:

Сержант Хэмлетт, который был ранен и вернулся на берег, чтобы найти санитаров: «Когда я, преодолевая боль, добрал до пляжа, я увидел там тысячи обрывков человеческих тел. В воде плавали головы, руки, ноги.»

Чак Херлбат: «Я видел парней, которые несли охапки рук и ног, они тащили все это на место сбора. Насколько я понимаю, они вырыли большую глубокую траншею и просто свалили все это туда. Потом, через год или около того, после войны, они ее вскрыли, перелопатили и увезли на кладбище. Но в тот момент нельзя было оставлять трупы из-за смрада и из-за того, что это было чревато эпидемиями. Трупы надо было хоронить как можно быстрее, и парни этим занимались.»

Монфри Уилсон (Monfrey Wilson, 1-я Дивизия, 1916-2003): «Моя рота входила во вторую волну. Это был сущий ад, худшее из того, что я видел в своей жизни. Весь пляж был усеян трупами.»

После отлива. Разбитая техника и трупы на пляже Омаха. 6 июня 1944 года

Американцам не удалось выйти на намеченные в районе пляжа Омаха рубежи в День Д, но они сумели переломить неудачно складывавшийся для них ход событий в свою сторону и не дали сбросить себя в море. Ценой тяжелых потерь они заняли важный плацдарм, ставший частью отбитой у противника протяженной полосы побережья, опираясь на которую они вскоре осуществят прорыв вглубь Франции.

Основные источники

<https://www.dailymail.co.uk/news/article-7103009/Fascinating-accounts-German-soldiers-reveal-experienced-D-Day.html>

https://en.wikipedia.org/wiki/Charles_D._W._Canham

https://en.wikipedia.org/wiki/Omaha_Beach

<https://warfarehistorynetwork.com/article/vierville-sur-mer-cracking-a-critical-draw-at-Omaha-beach/>

<https://web.archive.org/web/20090913181744/http://www.argo.net.au/andre/myfile1.html>

<https://www.normandy1944.info/stories/ernst-goth>

<https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1960/11/first-wave-at-Omaha-beach/303365/>

<https://warfarehistorynetwork.com/article/a-german-soldier-who-defended-Omaha-beach-on-d-day/>

https://warsstories.files.wordpress.com/2015/10/chuck_hurlbut_rus_edition.pdf

https://warsstories.files.wordpress.com/2022/05/vincent_mckinney_rus.pdf

https://warsstories.files.wordpress.com/2022/05/monfrey_wilson_1stdivision_rus.pdf

<https://www.wwiifiles.com/2014/06/d-day-quotes-1st-infantry-division.html>

<https://warfarehistorynetwork.com/article/a-hell-of-a-good-place-to-die/>

<https://www.youtube.com/watch?v=K6SdWS0WHaE>

<https://macaulayelsworth.medium.com/account-of-d-day-through-the-eyes-of-a-german-soldier-5d3451e8d0a0>

<https://www.pressreader.com/uk/all-about-history/20190523/281565177214434>

Перевод, литературная обработка и компиляция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org